

Санкт-Петербургский государственный университет

ВАСИЛЬЕВА Милана Германовна

Выпускная квалификационная работа

**Идеологемы в интернет-публицистике: коммуникативно-прагматические
функции**

Уровень образования: бакалавриат

Направление 45.03.01 «Филология»

Основная образовательная программа СВ.5036. «Отечественная филология
(русский язык и литература)»

Профиль «Отечественная филология (русский язык и литература)»

Научный руководитель:
доцент, Кафедра русского языка,
Митрофанова Ирина Анатольевна

Рецензент:
доцент, Кафедра русского
языка как иностранного
и методики его преподавания,
ФГБОУВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»
Гулякова Ирина Геннадьевна

Санкт-Петербург
2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИДЕОЛОГЕМА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ	6
§ 1. Обзор научной литературы	6
§ 2. Признаки идеологемы	11
§ 3. Определение термина «идеологема» в данном исследовании	13
ГЛАВА 2. ОБЩИЙ ОБЗОР МАТЕРИАЛА	15
§ 1. Определение критериев отбора материала	15
§ 2. Общий анализ идеологем в материале	16
ГЛАВА 3. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИДЕОЛОГЕМ В МАТЕРИАЛЕ	27
§ 1. Коммуникативно-прагматические функции идеологем «Запад», «президент», «Путин»	27
§ 2. Коммуникативно-прагматические функции прочих идеологем в материале	33
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	39
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	41
СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА	44
ПРИЛОЖЕНИЕ	45

ВВЕДЕНИЕ

В XX веке стало особенно очевидно, что средства массовой информации, в частности, журналисты стремятся не только проинформировать своего читателя о тех или иных событиях, происходящих в мире, но и повлиять на точку его зрения в отношении этих событий. В настоящее же время Интернет стал неотъемлемым инструментом влияния на политические процессы, на мнение больших масс людей, в данных процессах так или иначе задействованных. Оказывать воздействие на адресата может не только публицистический текст (медиа́текст) как таковой, но и специальная лексическая единица – идеологема – смысловое содержание которой может неодинаково пониматься сторонниками различных политических взглядов. Следовательно, задача журналиста состоит в том, чтобы грамотно встроить идеологему в свой текст, придать ей нужный смысл для воздействия на читателя.

В рамках тенденции к изучению публицистических текстов гуманитарными науками становятся интересны средства политического (идеологического) воздействия на адресата. Исследуя медиа́тексты, ученые стремятся дать описание всех аспектов функционирования языка, вовлеченных в процессы общественно-политической жизни: его лексической, фразеологической, культурной и коммуникативной сторон как составляющих языка политически ориентированной публицистики.

Данная работа посвящена лингвистическому изучению статей Интернет-изданий, имеющих различные идеологические (политические) установки: выявлению идеологем в медиа́текстах и их анализу с точки зрения коммуникативно-прагматических функций.

Исследование проводилось на **материале** статей трех журналистов, работающих в разных политически ориентированных Интернет-изданиях: Андрея Рудалёва («Свободная пресса»), Дианы Качаловой («Новая газета») и Маргариты Симоньян («RT»). Исследуемые тексты ранее не становились

объектами лингвистического описания.

Актуальность работы заключается в изучении средств политического воздействия в статьях, публикуемых в Интернете. На сегодняшний день темы, изучаемые в рамках медиалингвистики, политической лингвистики, новы и злободневны. Кроме того, лексический материал статей журналистов сетевых СМИ недостаточно полно описан.

Цель работы: выявить идеологемы в публицистическом интернет-материале и проанализировать их с точки зрения выполнения ими коммуникативно-прагматических функций.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Изучить теоретические работы, направленные на исследование понятия «идеологема», классификацию идеологем и описание функционирования идеологем в текстах публицистики;
2. Сформулировать собственное определение понятия «идеологема»;
3. Выявить и описать идеологемы в статьях журналистов интернет-изданий;
4. Охарактеризовать (проанализировать) выявленные идеологемы с точки зрения выполнения ими коммуникативно-прагматических функций.

Для работы с материалом были использованы **методы**: сравнительно-сопоставительного анализа, контекстуального анализа лексических единиц, а также описательный метод.

Объект исследования - идеологемы в текстах журналистов, публикующих публицистические материалы в интернет-изданиях.

Предмет исследования – коммуникативно-прагматические функции, выполняемые идеологемами в рамках публицистической статьи интернет-издания.

Структура работы включает в себя следующие разделы:

1. Введение;
2. Теоретическая глава;

3. Две практические главы;
4. Заключение;
5. Список использованной литературы;
6. Приложение.

ГЛАВА 1. ИДЕОЛОГЕМА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

В данной главе будут рассмотрены различные точки зрения на трактовку термина «идеологема». Также будет сформулировано собственное определение идеологемы и определены языковые единицы, поиск которых будет проводиться в практической части исследования.

§ 1. Обзор научной литературы.

Роль идеологии и в XX, и в XXI веке трудно переоценить, ведь идеологизации и политизации подвергаются почти все сферы человеческой жизни. Если в середине XX века отечественных исследователей, изучавших средства политического воздействия, интересовали советизмы, то в постсоветский период в результате сильнейшего процесса деидеологизации разрушилась тщательно выстроенная система понятий, «формировавших цельность советского политического мировоззрения» [12]. И учеными, помимо советизмов, стали рассматриваться другие варианты наименования слов Советской эпохи, так как не все лексемы подходили для разграничения единиц политического дискурса. Таким образом, был предложен термин «идеологема».

Именно идеологема наиболее ярко проявляется в публицистическом стиле, так как она предполагает осознанное воздействие со стороны отправителя речи на сознание получателя речи при помощи заранее заданного адресантом смысла. Этот смысл (или идея) должен ориентировать массовое сознание в заданном направлении, следовательно, утверждение в СМИ определенных идеологем, соотнесенных с политической установкой издания, закономерно [9].

В данной работе идеологемы интересуют нас именно как универсалии, особенно важные для «политического и медийного дискурсов, как мировоззренчески ориентирующих» [10].

Прежде чем сужать понятие идеологемы и давать ей собственное, более конкретное определение, следует изучить проблему трактовки термина и обратиться к трудам исследователей.

Г. Ч. Гусейнов видит идеологему «мельчайшей значащей единицей языка публицистики». Уточняя понятие, исследователь отмечает, что идеологема – это «минимальный отрезок письменного текста или потока речи, воспринимаемый и адресантом, и адресатом как отсылка к некому воображаемому своду мировоззренческих норм и фундаментальных идейных установок, которыми должно руководствоваться общество» [2].

Особый интерес в изучении идеологемы представляют работы Н. И. Клушиной. Исследователь видит мифологему прототипом идеологемы. Мифологема понимается как первоэлемент индивидуального или массового сознания, с помощью которого человек объясняет окружающие его предметы и явления, также мифологема базируется на архетипических антиномиях, характерных для любой национальности: добро/зло, герой/злодей и т. д. Мифологемы, как и идеологемы, «являются инструментом и способом упорядочивания мира: неизвестное знание с их помощью переводится в знание известное, обыденное, усвоенное и одобренное социумом» [10], а также включают в себя эмоциональную составляющую, воздействующую на сознание человека. Однако различие мифологемы и идеологемы состоит в том, что первая концентрирует в себе исторический опыт социума, а вторая – направляет массовое сознание в нужную сторону, ориентируясь на будущее. Функция идеологемы, по мнению Н. И. Клушиной, заключается во «вмонтировании» в массовое сознание идеологического смысла и выполняется на когнитивном уровне, однако при помощи стилистических средств. Важно отметить, что Н. И. Клушина разграничивает понятия «идеологема» и «концепт»: концепт – это, прежде всего, термин психолингвистики, стихийно сложившийся в обществе стереотип сознания, в то время как идеологема – это, по мнению исследователя, термин коммуникативной стилистики, еще складывающийся стереотип сознания, имеющий идеологическую коннотацию и являющийся результатом целенаправленной дискурсивной деятельности, которую осуществляет автор публицистического текста. «Идеологема, включенная в коммуникативную ситуацию, получает дополнительные смыслы, встраивается в публицистическую

картину мира, создаваемую средствами массовой коммуникации, и становится центральным понятием публицистического дискурса». Таким образом, по Н. И. Клушиной, идеологема – это ментально-стилистическое явление, мифологема, которая используется в идеологических целях, «воплощение вербальными средствами идеологических, политических, социальных установок, которые должен усвоить адресат и которые формируют в обществе определенную устойчивую идеологию, помогающую сплочению социума» [8]. Кроме того, исследователь отмечает, что идеологемы могут носить личностный или социальный характер: личностные идеологемы складываются вокруг важного политического деятеля, руководителя государства, социальные – отражают ориентиры и установки социума в конкретный период его развития (например, социально-политические стереотипы Советской эпохи: «Мы придем к победе коммунизма») [9].

Большой вклад в поле лингвистического определения и описания идеологемы внесли работы Н. А. Купиной. Изначально исследователь определила идеологему как мировоззренческую установку, облеченную в языковую форму [13]. Впоследствии эта формулировка была конкретизирована, и под идеологемой Н. А. Купина стала понимать языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический [14]. Также при лексикологическом подходе идеологема понимается исследователем как слово или устойчивое словосочетание, «непосредственно связанное с идеологическим денотатом», так как «коммуникация стремится к идеологическому результату: цель говорящего - убедить адресата в партийном и идейном своей позиции» [11].

Сходится в определении идеологемы с Н. И. Клушиной и Н. А. Купиной А. П. Чудинов: «идеологема — это слово, в значение которого входит идеологический компонент». Однако важнейшим пунктом в его понимании термина является то, что ученый различает два основных типа идеологем. В первом случае идеологема – это слово, смысловое содержание которого понимается сторонниками различающихся политических взглядов неодинаково

(чаще всего различия связаны с эмоциональной окраской слова, на которое переносится оценка). Кроме того, в данном случае средством акцентирования оценочного смысла становится трансформация слова («коммуняки», «демокрады»), а также снабжение лексемы своего рода «проясняющим» эпитетом («так называемые демократы»). Во втором случае идеологемы – «наименования, которые используются только сторонниками определенных политических взглядов, соответствующие наименования передают специфический взгляд на соответствующую реалию» [22].

Б. Пионтек, анализируя определение идеологемы, приходит к выводу, что идеологемы – это легко воспроизводимые лексические единицы, которые обладают целостным идеологическим значением и имеют общественно-культурную и историческую значимость для данного этноязыкового сообщества. Кроме того, по мнению исследователя, идеологемы являются «частью общественно-политического дискурса, и их особенности проистекают из цели политической деятельности», которая заключается в популяризации «так называемого общего блага» [18]. В этом смысле Б. Пионтек близка в своих суждениях к вышеперечисленным авторам, которые видят основную функцию идеологемы во встраивании в сознание адресата определенного идеологического (политически значимого) смысла.

Интересными представляются выводы Е. Г. Малышевой, так как она, в отличие от Н. А. Купиной или Н. И. Клушиной, рассматривает идеологему как единицу когнитивного уровня, «многоуровневый концепт», актуализирующий в себе «идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [15]. Примечательно, что Е. Г. Малышева в своем определении отчасти соглашается с подходом Н. И. Клушиной и усматривает в идеологеме след мифологизированного представления человека о том или ином явлении, мифологемы.

Е. А. Нахимова также рассматривает идеологему как ментальную единицу,

в состав которой входит идеологический компонент, или феномен, «формирующий концептуальные схемы и категории, обуславливающий процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте» [17]. Тем не менее, исследователь отмечает, что смысловое и эмоциональное наполнение идеологемы могут неодинаково восприниматься адресатами, так как идеологема изображает специфический (уже оформленный) взгляд на соответствующий предмет, явление. Исследуя идеологему «Сталин», Е. А. Нахимова приходит к выводу, что данная лексема имеет «различные смыслы для сторонников леворадикальных взглядов и политиков либеральной и центристской политической ориентации» [17].

В целом многие исследователи сходятся во мнениях, давая определение идеологеме и конкретизируя данное понятие в своих работах. Считаем нужным упомянуть некоторые утверждения. Д. В. Маховиков и А. А. Степанова трактуют понятие, опираясь на «ассоциативное поле как модель образа языкового сознания» соответствующей идеологемы [16]. П. Зэмшал делает вывод о том, что все интерпретации исследователей, занимающихся политической лингвистикой, объединяются одним признаком: идеологема носит оценочный характер. Автор отмечает, что «языковые репрезентации идеологем в речи сторонников той или иной идеологии всегда положительно маркированы, а в речи их антагонистов — отрицательно» [5]. В. А. Салимовский и Д. В. Яруллин констатируют, что все вышеперечисленные нами подходы к идеологеме «не противоречат друг другу, но лишь по-разному определяют границы исследуемого объекта» [19], с чем нельзя не согласиться. Примечательны выводы Н. В. Зененко, которая рассматривает идеологему как результат взаимодействия языка и идеологии и соглашается с тем, что ее основная цель – воздействие адресанта на образ мыслей адресата. Кроме того, исследователь отмечает, что «финальная цель идеологической установки — манипуляция сознанием людей в интересах доминирующей в стране власти и формирование у целевой аудитории определенного мнения» [4]. М. И. Шкредова, анализируя различия между

советизмами и идеологемами, также заключает, что вторые всегда эмоционально окрашены, употребляются с целью воздействия на массовое сознание народа, а также функционируют в языке «на основе стилистического и идеологического критериев, которые являются для них первостепенными» [23]. А. Ю. Безродная, подобно Н. И. Клушиной, различает концепт и идеологему и отмечает, что актуализация идеологемы, ее раскрытие и усиление идеологического эффекта достигается за счет контекста [1].

§ 2. Признаки идеологемы.

Рассмотрев разные трактовки понятия «идеологема», мы должны снова обратиться к исследованиям в области политической лингвистики и выяснить, какие языковые элементы могут считаться идеологемами и почему.

По Г. Ч. Гусейнову, идеологема может быть представлена любым элементом языка – как буквой, символом, так и словосочетанием – поскольку семантика знака в языке политического дискурса исчерпывается его прагматической функцией [2]. Е. Г. Малышева не ограничивает понимание идеологемы рамками слова, но считает, что лексема, как способ репрезентации, не исчерпывает само понятие идеологемы. Автор рассматривает идеологему как термин когнитивистики и классифицирует лексемы с точки зрения концептуализируемой информации, сферы употребления и т. д. Но для нас важно то, что Е. Г. Малышева выделяет имена собственные как особый тип идеологем (Ленин, Сталин, Ельцин и т. п.) [15]. Е. А. Нахимова также рассматривает имена собственные как важный пласт идеологем и отмечает, что идеологема репрезентируется словом или устойчивым словосочетанием [17]. Давая подробную характеристику идеологемы, Б. Пионтек отмечает, что политический дискурс часто обращается к абстрактным понятиям, которые выражаются определенной лексикой. Таким образом, идеологема «серп и молот» формально состоит из обозначений конкретных предметов – серпа и молота, – однако она обращена к сложным социополитическим и

культурологическим понятиям советского периода. Также автор отмечает, что идеологемы способны к аббревиации и к образованию сложносокращенных слов («нацпроект»), кроме того, идеологемой может считаться и лозунг [18]. Так и Н. И. Клушина утверждает, что вербальные реализации идеологемы очень разнообразны: идеологемой может быть как слово, так и предложение (лозунг, афоризм) [10].

Особое внимание считаем нужным обратить на роль кавычек в языке отечественной публицистики, поскольку мы рассматриваем бытование идеологемы именно в этом языковом поле. Э. Л. Трикоз, анализируя метаязыковую рефлексивность в текстах второй половины XIX века, обращает внимание на то, что кавычки, а также курсив, жирный шрифт и другие графические средства выделения являются специальными средствами выражения метаязыковой рефлексии автора текста. «Закавыченное слово» или выражение, по мнению исследователя, может указывать на слово или выражение как определенный речезыковой факт, т. е. оно «1) отмечает «чужое слово»: говорящий отстраняется от употребленного им слова, выражения, фразеологизма (так слово, чуждое авторскому стилю и идеологии, маркируется); 2) указывает на индивидуальное авторское значение, «свой смысл», авторскую новизну слова, словоупотребления, фразеологизма; 3) даст имплицитную оценку языкового средства; 4) выделяет результат авторской языковой игры в тексте» [21]. Так, по мнению исследователя, кавычки графически выделяют зону языкового напряжения и выполняют, кроме того, воздействующую и игровую функции. Кроме того, Э. Л. Трикоз отмечает значимость кавычек и в публицистических текстах второй половины XIX века: «Писатель и журналист второй половины XIX века старались выделять графически новые наблюдаемые факты языка и речи. <...> В этом случае можно говорить о том, что графически выделенное слово, содержащее имплицитную авторскую оценку, становилось рефлексивом» [21]. Мы же считаем, что традиция графического выделения определенных слов (тем более идеологем) в

отечественной публицистике в настоящее время действительно является способом языковой игры и, соответственно, воздействия на читателя при помощи иронии, указания на авторское понимание того или иного слова и т. д.

Таким образом, мы согласны с предложенными выводами и считаем, что идеологема может быть представлена словом, словосочетанием (с оценочным эпитетом или же метафорическим словосочетанием, как «серп и молот»), лозунгом, афоризмом, именем собственным или топонимом, а также графически выделенным словом или словосочетанием.

§ 3. Определение термина «идеологема» в данном исследовании.

Рассмотрев различные точки зрения на трактовку термина «идеологема», мы считаем нужным дать свое, максимально полное для последующего исследования определение понятия. В первую очередь следует заметить, что мы согласны почти со всеми выводами, сделанными исследователями в области политической лингвистики, однако точка зрения Е. Г. Малышевой и Е. А. Нахимовой видится нам довольно неопределенной. При сопоставлении идеологемы и концепта второе понятие мыслится как исторически, стихийно сложившийся стереотип сознания, в то время как идеологема, на наш взгляд, является стереотипом сознания, который складывается не стихийно, а целенаправленно, представление о понятии действительно встраивается в сознание адресата согласно интенции адресанта. Кроме того, концепт понимается нами как односторонний стереотип народного сознания, однозначное представление о том или ином явлении, идеологема при этом может иметь несколько смыслов как раз потому, что разные отправители речи стремятся «вмонтировать» разные представления о личности, предмете, явлении получателям речи. Таким образом, давая ниже свое определение термина, мы исключаем возможность рассмотрения его с точки зрения психолингвистики.

Итак, в данной работе мы будем использовать лексикологический подход к пониманию идеологемы, при этом соглашаясь с мнением Н. И. Клушиной о

том, что прототипом идеологема является мифологема. Идеологема – это легко воспроизводимая единица (слово, словосочетание, иногда лозунг), имеющая идеологическую, а также эмоциональную и/или оценочную составляющую (коннотацию), основной прагматической функцией которой является целенаправленное воздействие на сознание адресата со стороны адресанта. Усиление идеологического воздействие на получателя речи происходит за счет контекста. Также, как указано выше, мы считаем, что идеологема может быть представлена словом, словосочетанием, лозунгом, афоризмом, именем собственным или топонимом, а также графически выделенным словом или словосочетанием.

ГЛАВА 2. ОБЩИЙ ОБЗОР МАТЕРИАЛА

В данной главе будут определены критерии отбора материала для проведения дальнейшего анализа. Также будет проведен общий обзор идеологием на материале текстов каждого из выбранных журналистов.

§ 1. Определение критериев отбора материала.

Чтобы осуществить анализ идеологием в Интернет-публицистике, мы приняли решение найти наиболее популярных и талантливых в своем деле журналистов, пишущих для изданий, придерживающихся различных идеологических (политических) взглядов. Но для начала считаем важным объяснить, почему мы решили воспользоваться довольно удобным термином «Интернет-публицистика» в нашем исследовании. А. А. Тертычный отмечает, что слово «публицистика» почти не используется исследователями и в принципе по-разному ими понимается. Однако мы, вслед за А. А. Тертычным, соглашаемся, что публицистикой следует называть тексты, которые обладают «1) высокой социальной значимостью; 2) психологической близостью для аудитории; 3) яркой нацеленностью авторов (то есть публицистов) на выражение личного мнения, где “Я” – это организующее начало произведения» [20]. Также М. В. Иванова и Н. И. Клушина отмечают, что современная медиакультура формируется именно под влиянием Интернета и оказывает сильное влияние на все сферы общественной жизни. Кроме того, Интернет влияет на авторские, жанровые и лингвостилистические параметры публицистических текстов. Медиатекст становится диалогичным, и адресат речи становится участником коммуникации. «“Классический” компонент публицистики — ярко выраженная авторская позиция — в интернет-коммуникации корректируется авторскими позициями адресатов, что нередко приводит к полемике и речевой агрессии» [6].

Для определения критериев отбора материала мы пользовались следующими значимыми для нас пунктами: во-первых, для нас был важен идеологический курс Интернет-издания, во-вторых, необходимо было найти журналистов с однозначными политическими взглядами, которые они

транслируют читателю, в-третьих, нами были выбраны статьи, написанные не позднее 2019 года, так как эпидемия COVID-19 наложила свой отпечаток на настроения не только общества, но и на тексты публицистов, следовательно и в публицистике, и в разговорном языке появилось множество слов, которые пока что, по нашему мнению, трудно однозначно назвать идеологемами.

Таким образом, для анализа нами были выбраны следующие Интернет-издания и журналисты (информация об изданиях, а также биографическая справка о каждом из публицистов представлены в Приложении):

- «Новая газета», Диана Качалова;
- «РТ», Маргарита Симоньян;
- «Свободная пресса», Андрей Рудалёв.

Для анализа были выбраны тексты, опубликованные с 2014 по 2019 год. Статьи выбирались преимущественно из колонок «Политика» и «Мнения» для выявления наиболее ярких и эмоционально/оценочно наполненных идеологем.

§ 2. Общий анализ идеологем в материале.

Прежде чем приступить к сравнительному анализу идеологем и их прагматических функций в материале, считаем нужным выполнить общий обзор текстов журналистов и рассмотреть некоторые идеологемы, употребляемые ими. В данном исследовании для точности мы будем сопровождать фрагменты из статей выходными данными (название статьи, год публикации). При анализе идеологем и определении коннотаций мы будем приводить ссылки на словари, в которых данные лексемы встречаются. В качестве лексикографических источников будут использоваться: «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (далее БТС), а также книга Д. А. Купиной «Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции».

Начнем с анализа идеологем, встречающихся в текстах Дианы Качаловой.

Поскольку Диана Качалова – журналист, проживающий и работающий в Санкт-Петербурге, то ее чаще трогают темы, связанные с происходящим именно в этом городе. Так, комментируя различные проблемы, связанные с Администрацией Санкт-Петербурга, журналист часто использует идеологему «Смольный», имея в виду чиновников, которые работают в администрации города. «Смольный» в статьях Качаловой – идеологема, наделенная отрицательной коннотацией, часто автор иронизирует, комментируя возможные действия Смольного: *«Скорее всего, этот конфуз отражает истинное состояние умов в нынешнем Смольном: “Не ждали!” Проспали настолько, что <...> Игорь Албин уже несколько дней как улетел в Грецию...», «ни единая душа в Смольном не выразила соболезнования их родным», «Вряд ли на стол Путину кто-то положил проект установки колеса обозрения на Английской набережной, по соседству с Медным всадником, который всерьез рассматривают в Смольном», «Очевидно, что ни один из проколов Смольного <...> в Кремле даже не рассматривался...» («Разбудили и прогнали», 2018), «Похоже, что в Смольном скандал замяли как умели, а по шапке надавали несчастному исполнителю» («Смелых становится все меньше, 2017).* Также журналист выражает свое отношение и к действиям Кремля: *«Вряд ли в Кремле прознали <...> Прознали и ужаснулись: “Да что же это за бездушные твари у нас там посажены!”», «Очевидно, что ни один из проколов <...> в Кремле даже не рассматривался как повод для отставки» («Разбудили и прогнали», 2018).* В случае с идеологемой «Кремль» интересно взглянуть на словарное определение лексемы, БТС дает следующее определение: «2. [с прописной буквы] Место размещения аппарата президента на территории Московского Кремля». Журналист использует идеологему именно в этом значении, но с отрицательной коннотацией. Идеологемы «Смольный», «Кремль» образованы по принципу метонимического переноса урбанонима – имени собственного – на исторически располагающиеся в зданиях петербургское правительство (с 1991 г.) и резиденцию Президента РФ (с 1918 г.). Так, комментируя действия (или бездействие) властей, Диана Качалова закладывает в идеологемы «Смольный» и «Кремль» отрицательный смысл: чиновники, которые там служат, по мнению журналиста,

выполняют свою работу некачественно или вообще ее не выполняют. Эту мысль Качалова и стремится донести до сознания своего читателя.

Продолжая высказывать свою точку зрения на действия представителей власти, Диана Качалова использует идеологему «Медведев», также наделяя ее отрицательной характеристикой: *«Забывала в поисковик “Яндекса” - “Медведев...Путин...Беслан”. Тишина. Ни слова. Для них этой страшной годовщины уже не существует», «Матери Беслана пытались передать хоть Медведеву обращение с просьбой приехать на годовщину, но охрана не только не допустила их до “тела”, но даже обращения не взяла» («Помянем без президентов», 2018).* Примечательно, как в тексте Качаловой идеологема – имя собственное – преобразовывается в нарицательное, т. е. как осуществляется прием антономазии: *«его [Георгия Полтавченко] условный песков вяло отбрехивался» («Разбудили и прогнали», 2018).* Здесь фамилия пресс-секретаря президента России, написанная со строчной буквы и с эпитетом «условный» приобретает негативный смысл: лексема «песков» употребляется Качаловой в окказиональном значении «свойство чиновников, которое актуализируется, когда приходит время отвечать на вопросы журналистов».

Продолжая освещать и комментировать события, связанные с политическими элитами государства, Диана Качалова упоминает бизнесмена Евгения Пригожина. Здесь имя собственное, по нашему мнению, выполняет номинативную функцию и не является идеологемой, однако характеристику личности журналист дает, используя закавыченные, представляющие собой перифрастические наименования идеологемы: *«Евгений Пригожин, известный как “повар Путина” <...>, сервирует месью горячей», «от вопроса <...> “кремлевский повар” старательно ушел» («Есть вещи, которые не продаются в плохие руки», 2017).* Встает вопрос о дифференцировании имен собственных как идеологем. Поскольку мы анализируем лексические единицы, в которые закладываются эмоциональные оценки, то действовать приходится интуитивно и дифференцировать единицы исходя из контекста. Так, имя собственное – Евгений Пригожин – мы не считаем идеологемой, поскольку во всем тексте статьи оно

используется в номинативном значении, а статья носит фактологический характер. Журналист закладывает оценочную коннотацию лишь в перифрастические наименования, которые, в свою очередь, и являются идеологемами.

Говоря о дне памяти Анны Политковской, журналист не использует никаких лексических средств для того, чтобы показать свое отношение коллеге (Анна Политковская, была пресс-секретарем издания «Новая газета»): «...на акцию памяти Анны Политковской пришло по традиции не очень много людей», «[выступавшие] с горечью говорили о том, что убийство Политковской за 11 лет так и не раскрыто» («Смелых становится все меньше, 2017). Также и с идеологемой «митинг»: «На митинг я ехала на троллейбусе №5», «Мы все привыкли, что на все митинги исправно ходит полиция» («Третий поход за собор. Сколько их еще впереди?», 2017) и т. д. В данном случае мы считаем слово «митинг» идеологемой, так как, во-первых, это слово политической лексики и, во-вторых, в приведенных контекстах мы усматриваем идеологичность (БТС: «Митинг -а; м. [англ. meeting] Массовое собрание по поводу каких-л. злободневных, преимущественно политических вопросов»). Качалова будто специально не вкладывает эмоционального или оценочного компонента в эти лексемы. Думается, что в употреблении в данных контекстах есть своего рода идеологическая предзаданность: журналист не дает никакой оценки покойной коллеге, говоря о дне ее памяти, митинг же для Качаловой – законное право граждан на трансляцию своего мнения.

Так, в статьях Дианы Качаловой мы видим идеологемы, называющие действующую власть, определяющие ее решения, оцениваемые субъектом речи негативно. Журналист стремится передать читателю свое отрицательное отношение к тем реалиям современной жизни, которые подразумеваются под референциальными значениями употребляемых ею идеологем.

При анализе идеологем в статьях Маргариты Симоньян следует обратить внимание на постоянное в ее текстах противопоставление - оппозицию, которая, на наш взгляд, близка к мифологеме и мифологизированной оппозиции «свой/чужой» - «наш/ваш», «мы/вы» в отношении России и Запада соответственно

(примечательно, что Н. А. Купина также выделяет данную оппозицию: «Оппозиция мы— вы, у нас — у них, наша — ваша пронизывает свертхтекст. Наше — это то, что выражает и поддерживает всегда благородную позицию народа-монолита; ваше — это все то, что выражает позицию горстки эксплуататоров» [13]). Журналист часто использует притяжательные местоимения в словосочетаниях с идеологемами, так, уже все словосочетание становится отдельной идеологемой («*ваши санкции*», «*ваши госдепы и вашингтонности*» и т. д.). Все, что связано с Западом и его влиянием на происходящее в России, Симоньян видит как отрицательное, чуждое отечественной государственности, приносящее вред не столько России, сколько Западу. Например: «*Как вам эффект от ваших санкций?*», «*и мы недобро потом поглядываем <...> на ваши госдепы и вашингтонности*» («Личное мнение: Маргарита Симоньян о санкциях против России», 2014), «*Своими недальновидными санкциями <...> своими скрипачами <...> вы заставили нас перестать вас уважать. Вас и ваши соу коллд ценности*» («Про Путина, выборы и хрустальную швабру свободы», 2018). Проводя параллель с «нами», Маргарита Симоньян иронически закавычивает те идеологемы, которые считает не имеющими отношения к российским реалиям: «*наш “кровавый режим”*», «*наши “продажные СМИ”*». Журналист использует кавычки как маркер чужого слова, как метатекстовый рефлексив, отмечающий речевой элемент, выражающий позицию оппонента. В данном случае примечательно, что ирония заключается в вынесении за кавычки притяжательного местоимения, это и указывает на то, что для Маргариты Симоньян «чужие» (не ею придуманные) идеологемы с отрицательной коннотацией «кровавый режим» и «продажные СМИ» не имеют никакой связи с действующей властью и реальной работой СМИ на территории РФ.

В статьях Маргариты Симоньян можно также заметить идеологемы-лозунги: «*Вы включили у нас зачем-то режим “русские не сдаются”*» («Личное мнение: Маргарита Симоньян о санкциях против России», 2014), «*Это вы включили в нас режим “русские не сдаются”*» («Про Путина, выборы и хрустальную швабру свободы», 2018). Названные «обобщающие» идеологемы,

выражающие в своем значении мнение массы, народа, на наш взгляд, говорят о том, что в данном случае журналист видит себя лидером мнения большинства, так, Симоньян открыто выражает свою позицию и использует лексическую единицу «большинство» как идеологему: *«В фейсбуках я, видимо, окажусь в меньшинстве, поскольку выражаю мнение большинства»* («Личное мнение: Маргарита Симоньян о санкциях против России», 2014). Здесь «большинство» имеет положительную оценочную коннотацию, мнение большинства приравнивается к единственно верному мнению, таким образом, большинство = правые. Комментируя реакцию западных СМИ на убийство российского оппозиционера Бориса Немцова (*«опубликовали за 4 дня около 100 материалов...»*) и гибель украинского оппозиционера Олеса Бузины (*«за 4 дня было опубликовано около 20 статей...»*), Маргарита Симоньян использует идеологему «мейнстримовская пропаганда» («Маргарита Симоньян: Вот как работает мейнстримовская пропаганда», 2015). На наш взгляд, эта идеологема безусловно включает в себя негативную оценку западных СМИ, так как журналист называет их деятельность пропагандой, дополняя эпитетом «мейнстримовская» с, аналогично, отрицательным для журналиста смыслом.

Особенно интересно рассмотреть идеологему «Россия», которая только в одной из выбранных для анализа статей, имеет положительную коннотацию. Как бы полемизируя с Западом, журналист указывает на то, что цель Запада – внушить и западному, и российскому обществу, что «Россия ненормальная»: *«...мысль о том, что Россия – нормальная, так же дика, как мысль о том, что Земля квадратная»*, *«Россия ненормальная. Так думать привычно»*, *«Есть вывод: Россия – ненормальная»*, *«преступные попытки Трампа признать нормальность России»* («Америка любит фастфуд. Во всём», 2017). В противовес идеологической позиции противников Маргарита Симоньян лишь один раз в конце статьи утверждает: *«Россия – нормальная»*. Здесь журналист будто снова транслирует мнение большинства, поскольку она – лидер мнения, то и заявление это делает, как лидер мнения большинства, следовательно, людей правых, имеющих единственно верное суждение о том или ином понятии. Так, идеологема «Россия» в данном

случае имеет положительный смысл, ведь если «нормальный», то значит, такой же как все, не отличающийся негативными, отпугивающими других качествами.

Таким образом, в текстах Маргариты Симоньян идеологемами становятся оппозиции «наш/ваш», «мы/вы», большая часть других идеологем выстраивается вокруг этого противопоставления. Так, журналист выстраивает в своих текстах четкую оппозицию: мы и они, Россия и Запад, вкладывая в идеологемы, характеризующие западную политику, строго отрицательный смысл. Однако идеологема «Россия» в этом смысле не так однозначна. С одной стороны, автор статьи настаивает на том, что мнение Запада о «ненормальности» страны неверное, а с другой – утверждением «Россия – нормальная» как бы приравнивает Россию к странам Запада, отношение к которому еще будет рассмотрено в третьей главе исследования.

Изучая статьи Андрея Рудалёва, нельзя не обратить внимание на то, что основным предметом его интереса является образ Советского Союза. Журналист часто рассуждает на эту тему, анализирует чужую точку зрения и стремится убедить читателя в истинности своих идеологических убеждений. Так, в статье «Фальшь покаяния» (2019), рассуждая на тему памяти Советского Союза, Андрей Рудалёв рисует образы противников советской политики и четко называет своих оппонентов, используя идеологему «десталинизаторы». Комментируя различные призывы десталинизаторов, журналист вкладывает в содержание понятия отрицательную оценку; на время принимая их позицию, он доводит ее до абсурда, доказывая, что она в корне неверна, например: *«Но нет, нам предлагается иное... Стоять бесконечно у этих могилок и крестов, ковырять раны и негодовать. Рвать на себе волосы, смотря на “украденное” прошлое, на то, что в настоящем «все это может повториться». Скорбеть и ненавидеть одновременно», «Или что, все по закону начать вновь расследовать, без истерик и эмоций и судить, судить, судить? Кто это будет делать, тоже нынешние пигмеи, которые все норовят судьями самоназваться? Допустим, все согласились: надо провести грандиозное судилище по российскому 20 веку, чтобы расставить все точки и найти самую правдивую правду, которая бы устроила всех — добыть этакий*

«философский камень» нашей истории. Допустим, согласились и начали. Сколько времени нужно вычлени́ть из нашего настоящего, чтобы провести этот грандиозный исторический аудит? Не год и не два ведь. Лет десять — двадцать. Думаете, хватит? Потом вновь не завизжите, что где-то показалась тень “усатого тирана”?» Примечательно, что в статье автор также использует закавыченные им идеологемы. В одном из приведенных примеров мы видим идеологему с кавычками: «усатый тиран». В данном случае кавычки служат средством графической отметки «чужого слова», автор стремится отстраниться от негативной коннотации, которую несет в себе данная идеологема. На наш взгляд, здесь усматривается тоже своего рода идеологичность, построенная на двойном отрицании. Закавычивая идеологему с безусловно отрицательной коннотацией, автор отрицает ее смысл и показывает читателю, что подобное представление о Сталине неверно.

Интересно взглянуть и на идеологему «совок», которую Рудалёв помещает в кавычки, чтобы снова отстраниться от чужой идеологической позиции и поиронизировать: *«Вообще лучше дождаться, когда уйдет последний “совок” <...> с ним нам в новом и прекрасном мире жизни не будет, да и самого нового и прекрасного мира не будет — только имитация», «А как быть с теми, кто считает, что нельзя трогать. Для кого Ленин — память и знание о величайшем событии в мировой истории? Да ну их в качель? На совок и в “совок”? Растереть и забыть?..»* («Зачистить все от нашей совести», 2016). Здесь кавычки также указывают на негативное отношение журналиста к такой характеристике Советского Союза, которая обозначается номинацией «совок». В данном случае также интересно обратиться к словарю, так как он фиксирует идеологему «совок». БТС дает следующее значение: «2. Совок, -а; м. Презрит. [с прописной буквы] О Советском Союзе, Советской власти». Н. А. Купина тоже отмечает эту единицу: «тотальная идеологизация, официоз и ритуальность уравниваются юмором и разъедающей самоиронией (совок, презрит.; страна дураков, презрит, и под.)» [13]. Примечательно, что Андрей Рудалёв использует идеологему «страна» в положительном ключе, когда говорит о Советском Союзе; также он употребляет

данную лексему с эпитетами, которые тоже заключают в себе положительную оценку и усиливают аксиологическое значение идеологемы «страна»: *«И победила в той войне именно грамотная страна, а безграмотная едва ли смогла», «Она [сила из «ящика Пандоры»] вылетела в свое время и разнесла большую страну»* («Фальшь покаяния, 2019), *«Страна вновь стала сама собой. Соборной, единой»* («Четверть века после предательства, 2016).

Не можем не обратить внимание на лексему «чудо», которая в контексте статьи Рудалёва о том, какое значение имела Октябрьская революция в истории России, становится идеологемой («Четверть века после предательства», 2016). Дело в том, что журналист в данном тексте ни разу не использует слово «революция», однако постоянно употребляет лексему «чудо», и читателю сразу становится ясно, о чем идет речь: *«Вернуться к свету, к логике хода истории. Надо четко разделить: то, что произошло в начале 20 века в России — это было чудо, к которому вела вся отечественная история. Финал века показал яму предательства», «99 лет назад произошло не только одно из самых грандиозных чудес человеческой истории, но и торжество над ледяным озером предательства, которое разверзлось в феврале того же года», «99 лет назад Россия поднялась на пиковую точку своей истории. Все предыдущее было лишь движением, приготовлением к этому чуду. Чаянием этого чуда, которое мы, презренные, предали и оболгали».* Так, журналист стремится «вмонтировать» в сознание своего читателя положительную оценку Октябрьской революции на развитие страны. По-видимому, лексическая единица «чудо» получает окказиональное значение «беспрецедентное, поворотное в истории человечества политическое событие».

Имеет смысл рассмотреть и идеологемы, которые должны иметь негативную оценку в картине мира Андрея Рудалёва. С этой точки зрения особенно примечательно слово «капитализм». Данная идеологема в статьях журналиста, безусловно, имеет отрицательный знак и экспрессивную пренебрежительную коннотацию: *«Ну, как же, при капитализме без прибыли ничего не делается, а дальше хоть и трава не расти»* («Протест Русского Севера стал современным эпосом», 2019), *«Мир капитализма стал империей, отменяющий суверенитет*

национальных государств и подминающий под себя всех», «Здесь нет ничего личного, просто капитализму надо удовлетворять свои потребности, а питаться он может, только лишь съедая кого-либо, только за счет кого-то», «Сам по себе капитализм — это крайне людоедская система, сейчас она к тому же и старческая, склонная к апокалиптизму» («Найти последнего игиловца», 2015). Кроме того, данная идеологема в текстах Андрея Рудалёва обрастает новыми, еще более яркими с точки зрения выражения эмоциональной оценки, идеологемами: «Устоявшаяся порочная система капитала и “бabloфилии”», которая загоняет страну в тупики и делает ее бесперспективной», «В одномерной логике “бabloфилии” очень сложно “откатить проект”», «В угоду навязанному агрессивному сектантскому курсу бabloпочитания», «Все потому, что собрание элит происходит не по принципу служения, а в угоду все той же “бabloфилии”, которая превыше всего», «Элиты с основной извилиной “бabloфилии” превращаются в держиморд» («Протест Русского Севера стал современным эпосом», 2019). На наш взгляд, в данном случае закавыченное окказиональное слово «бabloфилия» (полагаем, что здесь кавычки указывают на индивидуальное авторское понимание слова) также становится идеологемой с негативной оценкой и значением. Так, Андрей Рудалёв вкладывает в идеологему «капитализм» строго отрицательный смысл, капитализм, по Рудалёву, – устаревшая, безжалостная и «людоедская» система, а «бabloфилия» – крайняя ее форма, которая разрушает государственность. Казалось бы, и идеологема «либерализм» в статьях журналиста должна заключать в себе отрицательные коннотации. Примечательно, что в статье «Даешь перестройку либерализма!» (2016) Андрей Рудалёв вкладывает в идеологему положительный смысл. Но нельзя не обратить внимание на сам заголовок статьи, который тоже идеологичен. Здесь идеологемой становится лозунг. Автор прямо призывает читателя к действию. Либерализм же Андрей Рудалёв понимает как необходимую людям идеологию, подвергшуюся искажениям, ставшую извращенной: «Либерализм в России превратился в какой-то кошмарный жупел», «Либерализм нужен. Либералом можно стать, например, увидев железобетонную несправедливость государственной машины,

перемалывающей людские судьбы и жизни», «Не надо отпускать либеральную идею и отправлять ее на территорию тьмы», «В России он [либерализм] давно выродился в агрессивную и оголтелую альфредкоховскую секту», «Сектантство — традиция отечественного либерализма», «Либерализм в России выродился» и т. п.

Таким образом, в статьях Андрея Рудалёва отрицательной характеристикой наделены те идеологемы, которыми его оппоненты негативно характеризуют политику Советского Союза, а также идеологемы, связанные с влиянием капитализма на российскую государственность. Примечательно, что идеологема «либерализм» имеет положительный смысл в тексте журналиста.

Теперь, когда были кратко проанализированы примечательные с нашей точки зрения идеологемы в материалах, считаем нужным приступить к сравнительному анализу воспроизводимых в статьях журналистов идеологем.

ГЛАВА 3. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИДЕОЛОГЕМ В МАТЕРИАЛЕ

Для доказательства выполнения идеологемами коммуникативно-прагматических функций в данной главе будет проведен сравнительный анализ идеологем, регулярно повторяющихся в текстах названных журналистов. Также будут проанализированы прочие идеологемы, постоянно воспроизводимые в текстах не трех, но двух журналистов.

Считаем нужным определить, что мы понимаем под коммуникативно-прагматическими функциями идеологем. Во-первых, идеологемы выполняют социальные функции, они создают общее идеологическое пространство, которое в конечном счете и формирует социальную идентичность. Во-вторых, идеологемы включают в себя эмоциональную составляющую, воздействующую на чувства людей, соответственно, выполняют суггестивную функцию [10]. В-третьих, основной функцией идеологем является волюнтативность, т. е. оказание определенного воздействия на адресата, меняющего его картину мира, это усиливает эффект манипулирования общественным сознанием [1]. Мы же считаем, что суггестивная и волюнтативная функция являются определяющими в плане прагматики, а также дополняют друг друга, так как воздействовать на идеологическую картину мира адресата трудно без влияния на его чувства и эмоции.

§ 1. Коммуникативно-прагматические функции идеологем «Запад», «президент», «Путин».

Независимо от своих политических взглядов и идеологических установок и Диана Качалова, и Маргарита Симоньян, и Андрей Рудалёв в своих статьях регулярно используют идеологемы «Запад», «президент» и «Путин». Рассмотрим, какие характеристики, оценки дают журналисты каждой из приведенных единиц.

В текстах Дианы Качаловой упоминание Запада встречается всего один раз, но даже в этом случае мы можем заметить, что она использует данную идеологему в отрицательном ключе: *«Для широкой публики Александр Беглов фигура*

абсолютно неизвестная, для тех, кто в курсе, кто это вообще такой, бывший полпред в Северо-Западном федеральном округе памятен поддержкой казачества и заявлениями о тлетворном влиянии Запада на неокрепшие умы молодежи» («Разбудили и прогнали, 2018). Журналист отмечает («для тех, кто не в курсе»), что сейчас будет предложена ее собственная характеристика Александра Беглова и использует идеологему «тлетворное влияние Запада» без кавычек, но «заимствуя» отрицательную коннотацию единицы через косвенную речь. Конечно, нельзя с точностью быть уверенными, какой именно смысл вкладывает сама Качалова в эту идеологему, однако думается, что журналист иронизирует, употребляя это словосочетание в контексте ее собственной характеристики чиновника.

Маргарита Симоньян гораздо чаще употребляет идеологему «Запад», окружая ее другими идеологемами, которые только дополняют смысл первой. Приведем примеры: *«Для большей части западного истеблишмента мысль о том, что Россия — нормальная, так же дика, как мысль о том, что Земля квадратная»* («Америка любит фастфуд. Во всём», 2017), *«Вообще Запад сейчас должен быть в ужасе не от 76% Путина», «И виноваты в этом вы сами. Западные политики и аналитики, газетчики и разведчики»* («Про Путина, выборы и хрустальную швабру свободы», 2018). Надо помнить, что в текстах Маргариты Симоньян личное и притяжательное местоимения «вы», «ваши» в составе идеологем имеют прямое отношение к Западу. Как уже говорилось выше, все, что связано с Западом, воспринимается журналисткой как отрицательное, чуждое, плохо влияющее на происходящее в России. Таким образом, и «западный истеблишмент», и «западные политики и аналитики, газетчики и разведчики» наделяются негативными качествами. Примечательно здесь и то, что Запад характеризуется журналистом как несправедливый, жестокий, лживый: *«всеми вот этими несправедливостями и жестокостями, инквизиторским лицемерием и враньём вы заставили нас перестать вас уважать»* («Про Путина, выборы и хрустальную швабру свободы», 2018). Безусловно, к Западу в статьях Маргариты Симоньян относится и все, что связано с Америкой. Так, она пишет: «Вот опять на этой неделе

очередной советник очередного Байдена распространил очередную пугалку, что мы тратим \$400 млн только на наше бюро в США. Полнейшая, конечно, чушь». «Очередной Байден» здесь видится нам как обобщенный, сниженный образ президента США, как номинация на приеме антономазии, для журналистки не имеет значения фамилия президента страны, так как он в ее картине мира лишь очередной, ничем не запоминающийся, такой же, как все остальные.

Статьи Андрея Рудалёва также отличаются негативной оценкой Запада. Журналист иронизирует, употребляя идеологему: *«Либерализм в России должен стать борьбой за справедливость, оплотом справедливости. Не собственности, стяжательства и ростовщичества, капиталистического уклада и ориентации на благословенный Запад, а справедливости»* («Даешь перестройку либерализма!», 2016), *«Смешки над тезисом о загнивающем Западе и закате Европы не отменяют реальности»* («Найти последнего игиловца», 2015). Рудалёв иронизирует, говоря и о представителях западного правительства: *«Почему-то наши «учителя» из западных демократий не очень-то страдают по поводу своего откровенного людоедства. Они попросту любую ситуацию выворачивают так, как им угодно и спускают циркуляром на места. На местах под козырек. Ну да, ведь им все возможно, а нам отвечать и каяться. Мы исконные преступники, потому как не такие как они»*, примечательна и такая характеристика: *«Вроде как и каяться им особенно не в чем, потому как мы во всем виноваты, в том числе и в начале Второй мировой, как сейчас заключили потомки людоедов той мясорубки»* («Фальшь покаяния», 2019).

Таким образом, журналисты стремятся убедить своих читателей в истинности своих суждений, вкладывая в одну и ту же идеологему свой смысл. Так, у Дианы Качаловой не прослеживается четкой характеристики Запада, она лишь иронично передает слова чиновника («тлетворное влияние Запада»). Маргарита Симоньян вкладывает в идеологему «Запад» строго негативную, эмоциональную этическую оценку – Запад в ее текстах лжив, изворотлив, жесток, его представители ведут себя по отношению к России как хищники, все, что связано с Западом чуждо русскому человеку, губительно влияет на

российскую государственность. В текстах Андрея Рудалёва прослеживается похожее отношение, лексическая единица «Запад» используется как синоним идеологемы «капитализм», он не имеет ничего общего со справедливостью, представители западной демократии для журналиста лишь «учителя», которые не способны и не должны ничему учить русский народ. В случае с Маргаритой Симоньян и Андреем Рудалёвым идеологема обладает суггестивностью, за счет влияния на патриотические чувства читателей, журналист стремится воздействовать и на их политические взгляды. Примечательно и то, что Н. А. Купина фиксирует эту идеологему как часть оппозиции «наш/ваш»: «Частные варианты оппозиции развиваются на базе новейших антиномий: красный—белый, вражеский, враждебный; левый — правый; советский—антисоветский, буржуазный, западный; английский, американский и др» [13]. Полагаем, что и Маргарита Симоньян, и Андрей Рудалёв также рассматривают единицу как неотъемлемую часть оппозиции «наш/ваш».

Теперь рассмотрим, в каких смыслах предстают в материале идеологемы «президент» и «Путин». Разделять их не видим смысла, так как в большинстве случаев, очевидно, идеологемы связаны между собой. Диана Качалова, вспоминая трагедии в Беслане и Кемерово («Помянем без президентов», 2018), не стесняется в характеристиках относительно президента РФ: *«Мне интересно чисто физиологическое: когда у них так же легко, как хвост у ящерицы, отваливается хромосома человечности? Ведь не сразу же они становятся живыми трупами? Когда случился «Курск», хоть она и утонула, Путин встречался в Видяево с вдовами. Говорят, потом орал: «Зачем вы мне наемных б***** пригнали?» – но это не доказанный факт. Когда случился Беслан, он приехал в больницу, подтыкал выжившим детям одеяла, и лицо у него было растерянное», «Потом, похоже, перегорел. Все, что мы знаем о его реакции на катастрофу в Кемерово, это – «главе государства доложено о трагедии, и он дал ряд поручений в связи с пожаром», «Черт с ним, что **рож**а под обращением, как у снулой рыбы, но нашел-таки человеческие слова! Открываю, а там: «Вижу в вашем доверии надежды на изменения к лучшему... Понимаю свою*

колоссальную ответственность перед гражданами России». И висит эта ляпота с тех пор, как голоса подсчитали. Не трупы», «Первого, второго и третьего сентября 2009 года я ждала слов скорби от президента РФ. Забывала в поисковик “Яндекса” – “Медведев...Путин...Беслан”. Тишина. Ни слова. Для них этой страшной годовщины уже не существует», «Путин был в Польше, где отмечал (тот еще праздник) 70-летие начала Второй мировой войны», «Может, Медведев думает, что Беслан – это дело Путина, так как он тогда был президентом, а Путин думает, что раз сегодня президент Медведев, то пусть он и скорбит». Завершает эту статью она следующими словами: «Лидеры должны смотреть в будущее. Видимо, прошлое они оставили нам. Давайте помянем жертв Беслана, сами, без президентов». Журналист вкладывает в значение идеологем «президент» и «Путин» крайне негативную эмоциональную оценку. Когда речь идет не только о Путине, но и о Медведеве, Диана Качалова, на наш взгляд, вкладывает в идеологему «президент» горькую иронию, должность президента видится не такой важной, нет особой разницы, кто занимает этот пост, если «президенты» никак не реагируют на народную трагедию. В данном случае контекст эффектен, и его роль крайне важна для трактовки смысла идеологемы. В материалах, содержание которых посвящено самым трагическим событиям, журналист насыщает контексты, в которых идеологемы фигурируют в качестве ключевых лексических единиц, художественной образностью: репликами диалогов, прецедентными наименованиями («живые трупы»), стилевой контаминацией (книжные, разговорные, устаревшие единицы: «ляпота», «рожа», «орал», «снулая рыба») предметной лексикой («подтыкал ... одеяла»), сравнительными оборотами («рожа как у снулой рыбы»), метафорами («Когда у них ... отваливается хромосома человечности,»), элементами экспрессивного синтаксиса (номинативные предложения: «Тишина. Ни слова. Для них этой страшной годовщины уже не существует»). Так, мы видим, что контекст играет важнейшую роль для актуализации смысла и коннотации идеологемы.

В текстах Маргариты Симоньян идеологемы «президент» и «Путин»

приобретают другой смысл и эмоционально-оценочную коннотацию. Во-первых, президент РФ В. В. Путин в ее статьях – враг Запада, вождь, поменять которого не даст русский народ. Данное значение подразумевается, оно актуализируется в контексте: *«А пока вы сплотили нас вокруг **вашего врага**. Как только объявили его врагом, так сразу нас и сплотили. **Раньше он был просто наш президент** и его можно было поменять. **А теперь он наш вождь**. И поменять его мы не дадим»* («Про Путина, выборы и хрустальную швабру свободы», 2018). Также идеологема «Путин» приобретает более эмоциональную характеристику, когда речь заходит об опыте личного взаимодействия журналиста и президента: *«...25-летняя журналистка, которой Путин подарил букет»* (2019), *«И тут Путин сказал примерно следующее: — А ещё сегодня журналистке нашего пула Маргарите Симоньян исполняется 25 лет, давайте её поздравим. После чего Рахмон (не Путин!), который тогда был Рахмоновым, вручил мне аккуратный букет»*.

Идеологема «президент» у Андрея Рудалёва имеет скорее положительную коннотацию, президент – это глава государства, который вмешивается в проблемы, когда другие чиновники бездействуют: *«Помним мусорные бунты в Подмоскovie, свалки, нависающие над городами и отравляющие все вокруг. В ситуацию тогда пришлось вмешаться президенту, который потребовал решить проблему. Исполнители взяли под козырек и ответили «Есть!», а далее включили свою логику, которая заключается в доминировании сиюминутной прагматики над всем остальным»* («Протест Русского Севера стал современным эпосом», 2019).

С идеологемой «Путин» все не так однозначно. В целом журналист почти не употребляет данную единицу в важных с идеологической точки зрения контекстах, однако есть статья «Наша правда — автономия и независимость. Андрей Рудалёв к дню рождения Владимира Путина» (2015), в которой Рудалёв объективно анализирует роль В. В. Путина в складывающейся истории России: *«Путин не мраморная статуя, не истукан, которому надо поклоняться», «Первоначально — человек без лица, которого нам завещал уходящий в маразме*

Ельцин. <...> Но постепенно из ставленника он вырос в правителя и развивал тонкий слух на запросы масс», «Путин — это кентавр советской ностальгии и уверенности в капиталистическом устройстве мира. Его путь — это путь разочарований, а потому он фаталист», «Путин — фаталист, он ничего не знает о будущем, ведь привыкший разочаровываться, он готов допустить его любые варианты развития, и потому он надолго не планирует». Данный случай, на наш взгляд, действительно интересен, так как журналист старается дать максимально объективную оценку личности политического деятеля, может быть, таким образом он и своего читателя призывает быть объективным и беспристрастным... Скорее всего, для речевого поведения А. Рудалёва не характерно употребление идеологемы «Путин», он употребляет лексическую единицу как имя собственное.

Итак, в случае с идеологемами «президент» и «Путин» мы также видим, что журналисты вкладывают в них совершенно разные смыслы. Так, для читателя текстов Дианы Качаловой «президент» получает значение «пост, который создан чуть ли не для красоты» (словарь Д. Н. Ушакова: «Президент, президента, муж. (от лат. praesidens — сидящий впереди, во главе) 2. Глава государства в буржуазной республике», БТС: «Президент – а; м. Выбранный на определённый срок глава государства с республиканской формой правления»), а Путин – безучастный политик, у которого «отвалилась хромосома человечности», то есть «не наделенный представлениями о нравственности». Маргарита Симоньян настойчиво убеждает читателя в абсолютной силе президента перед нападками Запада, рисует возвышенный его образ. В этих двух случаях снова актуализируется суггестивная и волюнтаристическая функции идеологем. Андрей Рудалёв же стремится быть максимально объективным, говоря о лидере государства, к этому, возможно, и подталкивает своих читателей.

§ 2. Коммуникативно-прагматические функции прочих идеологем в материале.

Далее мы проведем сравнительный анализ тех идеологем, которые

встречаются только у двух авторов из трех, но представляют не меньший интерес для изучения прагматических функций идеологема.

И у Дианы Качаловой, и у Маргариты Симоньян есть статьи, в которых упоминается трагедия в Беслане. Качалова вспоминает Беслан в 2018 году сразу после трагедии в Кемерово («Помянем без президентов»), Симоньян – в 2014 году, когда была десятая годовщина со дня трагедии («Главред RT вспоминает Беслан»). Очевидно, что в данном случае «Беслан» - интересующая нас идеологема. Примечательно то, что статья Дианы Качаловой носит надрывный характер, журналист ужасается безучастности первых лиц государства и в первом, и во втором случае, в то время как статья Маргариты Симоньян носит фактологический характер и повествует о том, что происходило в центре событий.

Рассмотрим, в каких контекстах идеологема встречается в тексте Качаловой: *«В старых файлах нашла колонку, которую писала в 2009 году. Перечитала – ничего не изменилось, только стало еще гаже: «Мне казалось, что самое страшное, что могло случиться в Беслане, произошло пять лет назад. Я ошибалась. Гибель сотен заложников – это катастрофа, но когда о трагедии забывают так быстро и легко – это еще большая катастрофа. Первого, второго и третьего сентября 2009 года я ждала слов скорби от президента РФ. Забывала в поисковик «Яндекса» – «Медведев...Путин...Беслан». Тишина. Ни слова. Для них этой страшной годовщины уже не существует <...> Но до ответственности за Беслана [орфография сохранена] руки не дошли, потому что наутро Медведев сел писать телеграмму участникам форума «Банки России – XXI век», а не убитым горем матерям. Лидеры должны смотреть в будущее. Видимо, прошлое они оставили нам. Давайте помянем жертв Беслана, сами, без президентов».* Диана Качалова, на наш взгляд, закладывает в идеологему «Беслан» следующий смысл: забытая трагедия, катастрофа, о которой не хотят вспоминать первые лица государства. Журналист призывает своего читателя помнить о трагедии – в этом заключается убеждающий пафос ее статьи.

Теперь рассмотрим фрагменты статьи Маргариты Симоньян: *«Мы*

загрузились в вертолет и полетели из того села в Минводы. Там взяли такси и поехали в Беслан. Наш самолет улетел в Москву без нас... Беслан уже был оцеплен. Никого не пускали. Полчаса звонков во все инстанции и переговоров - и нас пустили... <...> Мы развернули камеры и тарелку на площади возле школы, где собирались родственники, и провели там три дня вместе с ними... Эфиры, съёмки, перебежки по простреливаемой улице в штаб, где совещались силовики, местные власти и люди из АП, и ад ожидания развязки...», «И тут как громыхнет! Страшный взрыв в школе, такого грохота в эти дни еще не было. И сразу за ним - второй! И тут же, мгновенно - стрельба. Вырубается связь, по спутнику выходим в эфир, а вокруг - сплошная стрельба со всех сторон - и бегут, бегут, бегут полуголые дети в крови...». Журналист перечисляет все подробности тех дней. Она строит изобразительное повествование, насыщает его лексикой с конкретной семантикой (вертолет, камеры, школа, перебежки по простреливаемой улице, грохот и пр.), передает бешеный темп происходящего большим количеством глагольных форм, использует приемы экспрессивного синтаксиса для выражения лихорадочного восприятия происходящего и подытоживает: «Заложники, переговоры с террористами, война в Чечне, возможность войны осетин с ингушами - кто-то вообще помнит, в какой стране мы жили? Всего 10 лет назад... Надо почаще вспоминать. Тогда все, над чем мы сегодня бьем копы, будет казаться таким каким-то... Нелепым». Таким образом, и Диана Качалова, и Маргарита Симоньян вкладывают в идеологему «Беслан» безусловно отрицательную характеристику. Однако смысл идеологемы «Беслан» в тексте Симоньян, по-видимому, другой: это террористический акт, унесший жизни многих людей. Оба журналиста призывают своих читателей помнить о страшной трагедии, но в различных идеологически нагруженных контекстах. И снова идеологема ключает в себя эмоциональную составляющую, что и помогает журналистам воздействовать на картину мира читателя.

Считаем нужным обратить внимание на идеологему «народ» в текстах Маргариты Симоньян и Андрея Рудалёва. В первом случае журналист видит россиян как сильный и готовый сплотиться в борьбе с Западом народ: «...санкции

не смягчат политику Путина и не ужаснут любящий его, в массе своей, народ, а ужесточат политику и сплотят народ, сомкнув наши вялые пальчики в готовый на все кулак» («Личное мнение: Маргарита Симоньян о санкциях против России», 2014). Также следует помнить, что Маргарита Симоньян часто пользуется идеологемами с местоимениями «мы», «наш», чтобы противопоставлять народ Западу и в качестве лидера мнений транслировать позицию этого народа. С этой точки зрения примечательны следующие фрагменты: *«Мы больше не хотим жить как вы. Лет пятьдесят — тайно и явно — мы хотели жить как вы, а больше не хотим. Мы вас больше не уважаем. И всех, кого вы у нас поддерживаете. И заодно ещё тех, кто у нас поддерживает вас. Отсюда искомые 5%. И виноваты в этом вы сами. Западные политики и аналитики, газетчики и разведчики. Наш народ вообще много чего способен простить. Но мы не прощаем высокомерия. Впрочем, как и любой нормальный народ» («Про Путина, выборы и хрустальную швабру свободы», 2018).*

Андрей Рудалёв же использует идеологему «народ», наоборот, чтобы показать некоторую его отчужденность от гонящейся за капиталистическими ценностями государственной власти, его самобытность: *«Проект свалки в Архангельской области вызвал глубинный и корневой народный протест <...> Сейчас Архангельская область на передовой, это зеркало нынешнего состояния России и через него можно просчитать все риски, который грозят нашей государственности. Здесь не перелетные политические птицы, не безбашенные юнцы делают погоду, а все более поднимается корневой народ, который отстаивает не только свой дом, свой регион, но и свою страну от власти бабла и несправедливости, наводящего повсюду морок, от этой токсичной ржавчины, разъедающей все вокруг себя» («Протест Русского Севера стал современным эпосом», 2019), «Необходимо познать свою страну и свой народ, о чем твердил еще Гоголь» («Даешь перестройку либерализма!», 2016).* Так, и в текстах Маргариты Симоньян, и в текстах Андрея Рудалёва идеологема «народ» имеет почти один и тот же смысл, однако Симоньян преследует цель убедить читателя в том, что он – часть народа, готового в любой момент бороться с нападками

Запада, в то время как Рудалёв показывает читателю: народ – справедливый, готовый отстаивать свои права перед самоуправством государственного аппарата, его нужно познавать. И вновь для сравнения обратимся к книге Н. А. Купиной, где фиксируется идеологема «народ»: «Тенденция к обобщенности способствует возникновению образа коллективного субъекта — народа. Народ — субъект, которому приписываются предикаты гордый, радостный, счастливый, уверенный, могучий, героический» [13]. Полагаем, что в этом случае оба журналиста видят народ, как как коллективный субъект, которому вполне можно приписать названные Н. А. Купиной предикаты.

Также, например, в статьях Дианы Качаловой и Андрея Рудалёва встречается идеологема «чиновники». Но для начала обратимся к значениям, которые фиксируют словари. БТС: «Чиновник -а; м 2. Должностное лицо, выполняющее свою работу формально, следуя предписаниям, без живого участия в деле; формалист, бюрократ», словарь Д. Н. Ушакова: «Чиновник, чиновника, ·муж. 2. перен. Человек, относящийся к своей работе с казенным равнодушием, без деятельного интереса, бюрократ (укор.)». В текстах Качаловой лексическая единица «чиновники» используется в значении «спекулянты или же просто некомпетентные персонажи»: *«Между двумя группами – траурной и с гирями – курсировал человек, узнать которого было несложно. Свои 15 минут славы Андрей Цибиногин, заместитель главы районной администрации, заслужил, поставив подпись под бумагой, запрещающей людям принести цветы Политковской. Корреспондент «Новой» направилась к чиновнику, чтобы задать один-единственный вопрос: кто дал ему такой приказ? Но Цибиногин начал убежать от журналиста и отмахиваться с криком: “Отойдите от меня, не приближайтесь, я позову полицию!”»* («Смелых становится все меньше», 2017), *«Во-вторых, почему не должно быть учтено мнение детей и внуков блокадников, которые хранят в семьях память о нашей общей трагедии и иногда делают это значительно лучше, чем чиновники, которые спекулируют на этой памяти»* («Стариков бросили на мозговой штурм», 2017). Андрей Рудалёв более жесток в оценке чиновничества, для него чиновник – часть бизнес-

элиты страны, служитель культа капитала: *«Поэтому чиновники-исполнители и бизнес-круги, что сейчас, в принципе, одно и то же, придумали выгодный проект, якобы во исполнение поручения президента»* («Протест Русского Севера стал современным эпосом», 2019), *«Неправедные чиновники, политики, кровососы-буржуи, коррупционеры, соковыжималка народа на государственном уровне — это кары нам»* («Четверть века после предательства», 2016), *«Нет никакого сомнения в том, что либеральная идеология необходима обществу. Защита простого человека от катка государства, чиновничества, начальника, богатея, жлоба»* («Даешь перестройку либерализма!», 2016). Так, мы снова видим, что идеологема выполняет в текстах обоих журналистов волюнтаристическую функцию: закладывается негативная оценка в смысле идеологемы «чиновник», однако Андрей Рудалёв более категоричен и внушает читателю, что чиновники исповедуют ценности капитализма и стремятся обмануть, обобрать народ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в настоящее время Интернет стал неотъемлемым инструментом влияния на политические процессы. Журналисты, комментируя те или иные события, анализируя их, стремятся воздействовать на своего читателя, внушить ему правильные, с их точки зрения, истины. Идеологема является тем средством воздействия на сознание, без которого невозможен публицистический текст. Даже если журналист и не использует политическую лексику и нарочно избегает ее, использованные им средства иносказания все равно становятся идеологемами в контексте статьи.

В данной работе мы изучили вопросы трактовки понятия «идеологема» и попытались выработать собственное, максимально узкое и конкретное с точки зрения лексикологического подхода, определение термина. Проведенный анализ идеологем в журналистских материалах показал, что усиление идеологического воздействия на получателя речи происходит за счет контекста. Более того, мы считаем, что существование идеологемы невозможно вне контекста, так как только он передает оценку понятия/явления/личности отправителем речи. Именно поэтому, в нашем понимании, не каждое слово политической лексики может быть идеологемой, так как иногда политические термины могут выполнять номинативную функцию. Кроме того, было выявлено, что идеологемы могут иметь различное происхождение, это могут быть не только обычные лексемы, словосочетания, имена собственные или лозунги, но и онимы, перифразы или метафорические выражения.

Анализ материала исследования показал, что журналисты действительно вкладывают в идеологемы различные смыслы, наделяют их положительными и (чаще) отрицательными оценками, вкладывают в свое понимание слова эмоциональную составляющую для усиления эффекта воздействия. Сравнительный анализ идеологем в материале показал, что журналисты с различными идеологическими установками, политическими взглядами по-разному трактуют одно и то же понятие, и это понятие, как следствие, становится позитивно или негативно окрашенной идеологемой. Таким образом, идеологема

выполняет свои коммуникативно-прагматические функции – суггестивную, а также функцию воздействия на сознание читателя и «вмонтирования» в его сознание нужных отправителю речи истин.

Также хотим отметить, что, используя идеологему, автор публицистической статьи не всегда стремится изменить политические взгляды адресата, «переманить» случайного читателя на свою сторону. Напротив, мы полагаем, что идеологема скорее оказывает влияние на незначительное преобразование или усиление уже существующей политической картины мира.

Следует обратить внимание, что выбранный материал достоин, на наш взгляд, дальнейшего изучения не только с позиции лексикологического подхода к идеологеме, но и с точки зрения риторики. Поскольку построение публицистического текста, тем более в рамках политической повестки, невозможно без использования различных риторических приемов, возможен дальнейший анализ текстов подобного направления в риторической стезе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безродная А. Ю. Различие понятий «концепт» и «идеологема» // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Вып. 3 (24). – Иркутск, 2013. – С. 138–145.
2. Гусейнов Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. — М.: Три квадрата, 2004. — С. 27–37.
3. Добросклонская Т. Г. Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. – С. 85–94.
4. Зененко Н. В. Политическая идеологема в испанском публицистическом дискурсе // Политическая лингвистика. – Вып. 4 (70). – ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2018. – С. 28–34.
5. Зэмшал П. Несколько замечаний относительно понятия идеологемы // Политическая лингвистика. – Вып. 2 (48). – ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2014. – С. 138–142.
6. Иванова М. В., Клушина Н. И. Публицистика в истории русского литературного языка: от древнерусской словесности к Интернет-коммуникации // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – Том 16, № 1. – М.: Изд-во РУДН, 2018. – С. 50 – 62.
7. Калганова С. О. Поиски идеологической концепции и семантика идеологемы // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – Том 27, № 3. – Изд-во Уральского университета, Екатеринбург, 2021. – С. 46–60.
8. Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.). Автореф. дис. докт. филол. наук. – М., 2008. – 62 с.

9. Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования [отв. ред. М.Н. Володина]. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 269–289.
10. Клушина Н. И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). – С. 32–40.
11. Купина Н. А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. – С. 90–104.
12. Купина Н. А. Идеологемы как ключевые единицы политического языка // Современная политическая лингвистика: материалы Междунар. науч. конф. — Екатеринбург, 2003. – С. 90–92.
13. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь: ЗУУНЦ, 1995. – 143с.
14. Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. – М., 2000. – Вып. 1. – С. 182–189.
15. Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. – Вып. 4 (30). – Омск, 2011. – С. 32–41.
16. Маховиков Д. В., Степанова А. А. Идеологемы в языковом сознании русских: межпоколенческая специфика // Вопросы психолингвистики. – № 4 (30), 2016. – С. 129–145.
17. Нахимова Е. А. Идеологема «Сталин» в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. – Вып. 2(36). – Екатеринбург, 2011. – С. 152–156.
18. Пионтек Б. Идеологема как ключевая лексическая единица общественно-политического дискурса и как концепт общественного сознания современной языковой личности в России и в Польше // Вестник Московского университета.

- Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2010. № 1. – С. 85–95.
19. Салимовский В. А., Яруллин Д. В. Вербальная модель проявлений массового политического сознания в рунете // Вестник пермского университета. – Вып. 1 (25). – Пермь, 2014. – С. 173–178.
20. Тертычный А. А. Интернет публицистика: жанровый профиль // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2014. – Т. 156, кн. 6. – С. 7–16.
21. Трикоз Э. Л. Обыденная метаязыковая рефлексия носителя русского языка второй половины XIX века. Автореф. дис. докт. филол. наук. – Вологда, 2010. – 23 с.
22. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А.П. Чудинов. — М.: Флинта: Наука, 2006. — С. 27–37.
23. Шкредова М. И. Проблема разграничения понятий «советизмы», «идеологемы» и «интернационализмы» // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – №3(23). – 2013. – С. 157–164.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. 1-е изд. СПб., 1998.
2. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний / Д. Н. Ушаков. М., 2008.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В приложении приведена краткая информация об Интернет-изданиях и биографическая справка о журналистах.

«Новая газета» — российская общественно-политическая газета. Известна оппозиционной, либеральной, демократической и правозащитной направленностью, а также журналистскими расследованиями. Имеет новостной портал в Интернете (<https://novayagazeta.spb.ru/>).

Диана Леонидовна Качалова (род. 14.03.1960) в 1982 году закончила факультет журналистики ЛГУ. Свой профессиональный путь начала в многотиражной газете объединения «Светлана». В начале 1990-х работала в «Невском времени» — корреспондентом, а затем и редактором отдела политики. Лауреат премии имени Пола Хлебникова «За храбрость в журналистике» (2005). С мая 2011 года — главный редактор «Новой газеты в Петербурге».

«RT» (ранее «Russia Today» с англ. — «Россия сегодня») — международный телеканал с многоязычной сетью информационных и документальных программ. Также имеет новостной портал в Интернете (<https://russian.rt.com/>). Основан в 2005 году для предоставления альтернативного международным новостным корпорациям взгляда на происходящее в России и мире. Управляется АНО «ТВ-новости». Финансируется российским правительством преимущественно из государственного бюджета.

Маргарита Симоновна Симоньян (род. 06.04.1980) — российская журналистка и медиаменеджер. Главный редактор телеканала RT с 2005 года, международного информационного агентства «Россия сегодня» с 2013 года и информационного агентства «Sputnik» с 2014 года. В сентябре 2002 года переехала жить и работать в Москву, стала специальным корреспондентом «Вестей»; одновременно с этим вошла в состав президентского пула журналистов. Участвовала в качестве корреспондента в телемосте «Прямая

линия с Владимиром Путиным». В сентябре 2004 года освещала террористический акт в Беслане. В момент захвата заложников в школе № 1 она находилась в Карачаево-Черкесии, куда была направлена для освещения готовившейся поездки президента Путина. Поездка была отменена, и журналистка, узнав о случившемся в Беслане, сразу же вылетела туда. С момента основания в 2005 году «Russia Today» (ныне «RT») — первого российского информационного телеканала, круглосуточно вещающего на английском языке, — является его главным редактором. Заняла этот пост в возрасте 25 лет.

«Свободная пресса» — российское общественно-политическое интернет-издание. Специализируется на политических, общественно-экономических и культурных новостях, есть разделы с блогами, онлайн-конференции с известными людьми (<https://svpressa.ru/>). Основано в декабре 2008 года.

Андрей Геннадьевич Рудалёв (род. 10.06.1975) — российский литератор, литературный критик и публицист, журналист. Лауреат литературной премии «Эврика!» (2006). Окончил филологический факультет Поморского государственного университета (1997), занимался медиевистикой, диплом — «Символика „пути“ в средневековой гимнографии 11 века»; работал затем там же на кафедре литературы.